

ных канонов. Отчетливо пока можно говорить только о типологических параллелях с рядом литературных традиций эпохи: салонной переписки, дружеского литературного письма, романтической мистификации. Открытым для будущих исследований остается вопрос о прямом влиянии на эпистолярный Гончарова писем отдельных авторов, в первую очередь Пушкина,⁶³ к биографии которого романист проявлял глубокий и пристальный интерес.

⁶³ По мнению Недзвецкого, разительным отличием гончаровского эпистолярия от пушкинского является «установка на *эпичность* изображения» (15, 10).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-87-92

© О. Л. Фетисенко

«НУЖНО ТОЛЬКО ВЫЖДАТЬ ВРЕМЯ»: К. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Э.-М. ДЕ ВОГЮЭ

Сюжет, о котором пойдет речь, был намечен более десяти лет назад в одной из редакционных статей Полного собрания сочинений и писем К. Н. Леонтьева¹ в виде иллюстрации к теме прижизненной неизвестности русского мыслителя на Западе, но, как выяснилось значительно позднее, в сообщении о заботах дипломата К. А. Губастова, связанных с «продвижением» книги его близкого друга, недоставало важнейшего заключительного звена. Наш рассказ как бы обрывался на полуслове, и вызвано это было очень простой причиной: на тот момент хранящиеся в Государственном литературном музее письма Губастова к Леонтьеву еще не были прочитаны полностью. Теперь весь хорошо сохранившийся обширный эпистолярный комплекс подготовлен к публикации в полном объеме, и многие сначала не вполне ясные сюжеты обретают завершенность, в том числе и эпизод, которому посвящена эта статья.

Зиму 1866/1867 годов К. Н. Леонтьев — тогда секретарь адрианопольского консульства — проводит в Константинополе. В русском посольстве у него уже с 1864 года было много друзей, а среди недавнего пополнения он встречает молодого человека, с которым подружится на всю жизнь. Это его тезка Константин Губастов,² выпускник Учебного отделения восточных языков,³ приехавший на Босфор как стажер (тогда это называлось «студент посольства»). Впоследствии он сделает хорошую карьеру — до поста товарища министра иностранных дел. В 1867 году Леонтьев побывает в Константинополе еще один раз перед отъездом на службу вице-консулом в Тульче, а самое

¹ [Фетисенко О. Л.]. О сборнике «Восток, Россия и Славянство» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 810–813. Далее ссылки на Полное собрание сочинений Леонтьева приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера тома, книги и страницы.

² О Константине Аркадьевиче Губастове (1845–1919), дипломате, коллекционере, генеалоге, мемуаристе, см.: *Лукомский В. К. А. Губастов <Некролог>* // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13; Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / Публ. В. Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51; Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908–1911) / Публ. О. Л. Фетисенко // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 250–273. См. также воспоминания Губастова о Леонтьеве: *Губастов К. А. Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве* // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Литературный сб. СПб., 1911. С. 185–234.

³ См.: *Жуков К. А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К. А. Губастова)* // Россия и арабский мир: к 200-летию... Шейха ат-Тантави (1810–1861): Материалы конференции. СПб., 2010. С. 92–93.

долгое его пребывание здесь относится к осени 1872-го — весне 1874 года. В этот последний период он и познакомился с секретарем французского посольства (с 1871-го) виконтом Эженом-Мельхиором де Вогюэ (1848–1910),⁴ проявлявшим уже тогда большой интерес к России и русской культуре, и успел посвятить его, как выясняется из позднейшего письма Губастова, в свои «мысли и воззрения».⁵ Губастов в том же 1872 году вернулся в Константинополь после нескольких лет службы в Петербурге, теперь он был уже вторым секретарем посольства. Из эпистолярных документов следующего десятилетия видно, что все трое сохранили память об этом знакомстве и что Леонтьев и Вогюэ какое-то время следили за творчеством друг друга. Вот почему имя виконта, ставшего в 1880-е годы одним из самых читаемых французских критиков и очеркистов, и всплывает в письмах Губастова, когда заходит речь о необходимости сделать имя Леонтьева известным европейскому читателю.

Надо сказать, что друзья Леонтьева в ответ на его постоянные сетования на прерванности «литературной судьбы» неоднократно советовали прибегнуть к некоторой «саморекламе», послать то или иное свое издание различным французским знаменитостям. Например, О. А. Новикова (та самая, которую в Англии прозвали «депутатом от России») снабжала Леонтьева адресами то слависта Луи Леже (1843–1923),⁶ то Анатоля Леруа-Больё (1842–1912), погрузившегося в изучение «Империи царей».⁷ На первое предложение Леонтьев ответил: «Благодарю Вас за французск<ого> критика. — Я пошло ему просто собрание моих Греческих повестей».⁸ — Без письма под бандеролью» (11, 2, 490), а обращение ко второму автору вызовет у него больший интерес. В письме к Т. И. Филиппову от 10–14 февраля 1883 года говорится о намерении послать Леруа-Больё свои статьи по Восточному вопросу «с анонимным письмом», «пусть гневается» (12, 1, 29). Снисходительным пренебрежением он встречал восторги Губастова по поводу статей того же Леруа или, например, Поля Жане (Губастов видел сходство некоторых их идей с леонтьевскими и по этому случаю восклицал: «Великий Вы предвещатель!..» (12, 1, 528)).

С чем же связано столь явное нежелание Леонтьева сделать хоть шаг в сторону «русско-французского альянса»? Неужели младшие современники, с которыми ему настойчиво предлагали войти в общение сочувствующие лица, все как один представлялись ему антипатичными «средними европейцами» и ненавистными «буржуа»? Нелюбовь Леонтьева к современной Франции (сочетавшаяся с высочайшим пиететом по отношению к французской старине) хорошо известна. Но причина, как нам кажется, заключалась в другом: на его позицию в вопросах «саморекламы» повлиял давний негативный опыт. В 1867 году Леонтьев послал Просперу Мериме в переводе на французский роман «В своем краю» и повесть «Исповедь мужа» (см.: 11, 1, 248–249, 631–632) и был встречен своего рода брезгливым недоумением. Мериме даже поинтересовался у Тургенева, правду ли пишет Леонтьев, что пользовался его литературным покровительством, а в «Исповедь мужа» и вовсе вчитываться не стал, сказав, что не симпатизирует рогаосцам, «даже добровольным».⁹ Леонтьев тогда ответил довольно дерзким по тону письмом, которое Мериме так прокомментировал Тургеневу: «Его непоколебимая уверенность в собственных талантах показалась

⁴ Из множества работ о французском «пропагандисте» русской культуры выделим наиболее близкие нашей теме: *Вогюэ Э.-М.* Письма к русским литераторам / Публ. П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 203–216; *Заборов П. Р.* <Предисловие> // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 499–503. Из новейших работ можно указать статьи Е. Д. Гальцевой, А. И. Гичкиной, В. П. Трыкова.

⁵ [Фетисенко О. Л.]. О сборнике «Восток, Россия и Славянство». С. 811.

⁶ 1 (13) октября 1882 года она писала из Лондона: «Напишите ему, что сами выберете: он обещался мне упомянуть вас в своих статьях» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 28).

⁷ «Адрес M<onsieur>e Anatole Leroy Beaulie / 69. Rue Pigalle. Paris» (записка 1883 года; цит. по: 12, 1, 460). В данном случае Новикова напоминала адрес с тем, чтобы Леонтьев послал в Париж свои последние статьи — цикл «Письма о Восточных делах».

⁸ «Собрание греческих повестей» — это трехтомное издание 1876 года «Из жизни христиан в Турции».

⁹ *Mérimée P.* Correspondence générale. Toulouse, 1959. P. 500.

мне чисто французской. Он вышел из школы Саламбо».¹⁰ Урок оказался неизгладимым из памяти.

В 1885 году вышел первый том собрания лучших статей Леонтьева — «Восток, Россия и Славянство». Губастов, в то время генеральный консул в Вене, взял на себя, как делал уже и раньше, распространение книги и в Австрии, и в окрестных странах. Занимался этим он, конечно, не как профессиональный «агент». Нет, он просто предлагал знакомым приобрести у него книгу, а кому-то и дарил ее. И сколько ни намекал Леонтьев в письмах на то, что следует позаботиться прежде всего о рецензиях, о некотором «шуме» в газетах (это нужно было для того, чтобы книга лучше расходилась на родине), он либо отмалчивался, либо объяснял, что идеи Леонтьева будут неприятны и для австрийцев, и для западных славян. Однако мысль, перешагнув этап газетной критики, обратиться выше — к одному из ведущих авторов «*Revue des deux Mondes*»,¹¹ Э.-М. де Вогюэ, напомнить ему о старом знакомстве (кстати, у Губастова оно могло продолжаться и в России, когда виконт был секретарем французского посольства в Петербурге) принадлежала не Леонтьеву, а именно Губастову. Послать «Графу Мельхиору» книгу «при любезно-остроумном письме» он советовал Леонтьеву 26 июня 1885 года, уверяя, что Вогюэ — тот самый человек, «который, если захочет, в состоянии познакомить Францию, а через нее и всю Европу» с его «оригинальными воззрениями» (цит. по: 8, 2, 810). В качестве сильного аргумента он приводил известную статью Вогюэ о Толстом:¹² до нее Толстого «едва знали в Европе», а после — его романы «только и раскупаются», а «прочие сочинения <...> переводятся взапуски» (8, 2, 811).

Леонтьева этот аргумент не убедил. Французский критик, доказывая, всегда интересуется только теми, кто уже признан на родине, не стремится «открыть» новый талант: «...Вогюэ никого из наших не „открыл“». ¹³ Но главное — Леонтьев не хотел выступать в роли просителя: «...писать ему письмо — это выше сил моих! — Самое большое, что я могу сделать — это просто послать ему книгу; даже без надписи; — да и то в сентябре, когда уже *здесь* хоть немного будет видно, как *она у нас* принята» (12, 1, 116). Однако в том же письме он подсказал Губастову возможный выход — подарить книгу «от себя», и тот с радостью откликнулся (в письме от 30 июля), объясняя, что не предлагал своего посредничества только потому, что критику гораздо приятнее получить книгу от самого автора: «...Вогюэ, получив книгу от Вас, был бы более польщен присылкой и принял бы за дело с большею охотой». Он считал приемлемым даже «пустить в ход и лукавство»: «...начну с того, что скажу ему, что Вы обратились к моему посредству лишь по случаю незнания его местонахождения, а то Вы бы сочли за

¹⁰ Ibid. P. 549; цит. по переводу Д. В. Соловьева: *Леонтьев К. Н.* Избр. письма. СПб., 1993. С. 50. Любопытно, что указание на родство мировоззрений Леонтьева и Г. Флопера (с той лишь разницей, что первый в итоге «сделался христианином») содержится в статье Ю. С. Карцова, в конце 1870-х годов тесно общавшегося с Леонтьевым (см.: Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 246–251).

¹¹ Леонтьев с детства читал этот журнал и даже в самые трудные свои годы, когда и где только мог, обращался к нему — в домашних библиотеках друзей, в цензурном комитете и т. д. Это видно по многочисленным явным и скрытым отсылкам к материалам «*Revue...*» в его статьях и романах начиная с 1860 года. Есть такие отсылки и к работам Вогюэ.

¹² Губастов подразумевал статью: *Vogüé E.-M.* Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // *Revue des deux Mondes*. 1884. Т. 64. 15 juil. P. 264–301.

¹³ Леонтьев в пример приводил не замеченных французским критиком писательниц Кохановскую и Марко Вовчок, которых считал «гораздо выше Тургенева» (12, 1, 116), а также «не открытую» Вогюэ книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Губастов в ответном письме возражал так: «...замечу в ответ на Ваш упрек Вогюэ, что он не познакомил европейскую публику с Кохановскою — он положительно не мог бы этого сделать. Вся прелесть Кохановской в удивительной оригинальной форме и в необыкновенной выразительности и оригинальности речи, а потому рассказы ее абсолютно непередадимы, скажу более, их просто даже вслух читать трудно или нужно быть изумительным чтецом, до того неожиданны переходы у нее и оригинально все строение фразы. Как же при этом условии может передать Вогюэ испытываемое им (и нами) — допустив, что как эстетик он понял и оценил прелесть рассказов Кохановской — наслаждение публике, которая никогда не познакомится с самим произведением восхваляемого автора» (ГЛИМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 94–94 об.).

удовольствие сделать это непосредственно и выразили бы ему дань Вашего почтения к трудам его по русской литературе...» (8, 2, 812).

Последняя деталь возмутила Леонтьева. В письме от 9 августа он заклинал Губастова оставить свой план («*Не хочу я к нему и прямо и косвенно обращаться. — Я обращаюсь только к тем, в которых я уверен, и то всё к русским людям*» (12, 1, 133)). Но интересно, что Леонтьев отвергает не само обращение к Вогюэ, а лишь обращение от его имени, упоминание о его собственной заинтересованности в отзыве. Ср.: «...остав<ь>те ваш план, не пишите Вогюэ, что я Вас просил передать ему и т. п. <...> Умоляю Вас, не пишите ничего от меня г-ну Вогюэ; Господи Иисусе! Да кто же Вам мешает просто от себя послать ему книгу, как вещь, положим, любопытную, как „признак времени“ <...> не унижайте Вашего старого и большого друга перед иностранцами. — Другое дело когда Вы от себя рекомендуете; другое дело самому автору перед ними „мерсикать ножкой“ <...> Я очень желаю, чтоб издание разошлось; внимание иностранцев мне было бы очень выгодно для успеха дела <...> но мерсиканьем даже и перед Вогюэ (к<ото>рого я отчасти ценю) — я купить этого успеха положительно не желаю» (12, 1, 133–134).

Леонтьев знал, что у Губастова нет лишнего экземпляра книги, и «не расслышал» его просьбы прислать несколько («не для платонической раздачи, а для ознакомления европейских публицистов с Вашими воззрениями»¹⁴). Но его друг не отступил перед препятствием: попросил свою сестру, живущую в России, купить сборник и выслать ему. Отыскалась книга, как выяснилось потом, «не без труда», ее пришлось выписывать из Москвы.

В следующий раз Губастов написал Леонтьеву уже только тогда, когда получил письмо от Вогюэ. Его любезно-ироничный ответ пришел в Вену 31 октября по юлианскому календарю (Вогюэ был в отъезде, а письмо и посылка Губастова ожидали его в Париже), письмо же к Леонтьеву датировано 1 ноября 1885 года. Губастов не пересказал, а полностью процитировал на языке оригинала всю ту часть письма, которая посвящена Леонтьеву. Константин Аркадьевич был очень аккуратным человеком, его цитированию можно верить и рассматривать этот фрагмент как единственный источник для неизвестного письма французского критика, что особенно интересно, относящегося как раз к периоду завершения работы над самой знаменитой его книгой «*Le roman russe*» (она выйдет в 1886 году).

Являясь ценным материалом для характеристики русско-французских литературных связей тех лет, это письмо любопытно и по содержащимся в нем штрихам к портрету сорокалетнего Леонтьева, только что вернувшегося со Святой Горы Афон в мир, Леонтьева, как видим, оставшегося в памяти европейского дипломата и литератора. Прочитаем текст Вогюэ в той рамке, в какой он предстал перед Леонтьевым, т. е. «внутри» письма его друга:

«Дорогой мой Константин Николаевич,

Не без труда удалось мне получить экземпляр Вашего „Сборника“, который послан был мною Вогюэ. Сестра¹⁵ искала его тщетно во всех книжных магазинах Петербурга и должна была его выписать. Вчера получил я ответ от Вогюэ. Вот он в извлечении:

„Je trouve à Paris, au retour d'une petite absence, Votre lettre et le volume de M-r Léontieff. J'en ai gardé le plus excellent souvenir, et je le vois encore nous lirant une nouvelle de sa composition chez les Mourousi,¹⁶ il y a quelques dix ans; nous autres pacifiques occidentaux, nous l'accusons alors d'agiter les populations du Balcan avec une chemise

¹⁴ Там же. Л. 97.

¹⁵ Любовь Аркадьевна Суслова (урожд. Губастова).

¹⁶ Имеется в виду князь Александр Константинович Мурузи (1842–1900), сотрудник русского посольства в Константинополе, впоследствии генеральный консул в Каире. Он был сыном старшего драгомана константинопольского посольства К. Мурузи (1819–1886) и представительницы одного из знатнейших византийских родов Пульхерии Кантакузин (1824–1844); его жена Амалия Павловна, урожд. Зизиния, тоже происходила из древнего рода. Владельцы известного дома на Литейном проспекте в Петербурге приходились им близкой родней.

rouge légendaire, qu'il n'a peut-être jamais portée. Depuis lors, j'ai rencontré plus d'une fois ses travaux dans les journaux de Moscou, et je crois connaître déjà son article sur l'Athos.¹⁷ Je sais lire avec bien de l'intérêt ceux qu'il a réunis dans son 1-er volume. Je ne demande pas mieux que d'en parler dans la «Revue», mais il faut seulement que j'achève avant ma tâche, qui consiste à faire l'histoire de Votre littérature d'imagination dans ses chefsd'œuvre poétiques et romanesques. J'ai encore quelques chapitres devant moi avant d'édifier le livre auquel ils doivent concourir. Vous trouverez un dans la prochaine Revue sur Gogol,¹⁸ Pouschkin¹⁹ m'attend la suite, et M-r Léontieff est trop bon patriote pour vouloir retarder l'hommage que je dois à ses grandes devanciers. Quant à une traduction des articles de Votre ami, je Vous dirai qu'on s'arrache ici chez les éditeurs tout ce qui est roman ou nouvelle de Tolstoy et de Dostoievsky, mais notre légèreté proverbiale n'a pas encore mordu aux travaux sérieux de la science russe. Ce la viendra. Il faut seulement laisser faire le temps».²⁰

Судите теперь сами виконта».²¹

Упомянутая здесь «повесть» Леонтьева — это, несомненно, начало романа «Одиссей Полихрониадес», который он параллельно с историсофской книгой «Византизм и Славянство» писал на о. Халки. Оба произведения читались посольским друзьям и, как теперь становится ясно, не только им. Красная шелковая рубашка навыпуск — еще с конца 1860-х годов непрменная деталь костюма Леонтьева, которой он любил дразнить европейских коллег.²²

¹⁷ Речь идет о статье «Панславизм на Афоне», впервые опубликованной в «Русском вестнике» под псевдонимом «Н. Константинов» (1873. № 104. С. 650–702) и вошедшей в первый том сборника «Восток, Россия и Славянство» (М., 1885. С. 45–106); см. также: 7, 1, 210–267; варианты и комм.: 7, 2, 344–350, 614–642. Вогюэ прочел эту статью в отдельном издании на французском языке (*Constantinow N. Le Panславизм au Mont-Athos. Constantinople, 1873*), которое вышло даже раньше русской журнальной публикации (см.: 7, 2, 614; 10, 1, 610). После появления статьи в «Русском вестнике» турецкое посольство подготовило, как сказали бы позднее, «для служебного использования», еще один перевод на французский и прислало его в свою столицу (см. об этом: 6, 2, 9). Этот «официальный» перевод Леонтьеву «доверительно» показал грек-фанариот и турецкий дипломат Иоаннис Фотиадес-бей (1820–1892).

¹⁸ Здесь подразумевается статья из цикла «Современные русские писатели»: *Vogüé E.-M. Les Écrivains russes contemporains. Nicolas Gogol // Revue des deux Mondes. 1885. T. 72. 15 nov. P. 241–279.*

¹⁹ Статью о Пушкине для журнала Вогюэ тогда дописывать не стал. Он сразу превратил ее в одну из глав книги «Le roman russe».

²⁰ «В Париже, вернувшись после небольшого отсутствия, я нахожу Ваше письмо и том г-на Леонтьева. Я сохранил о нем самое приятное воспоминание, и у меня снова перед глазами, как он, лет десять тому назад, читает нам у Мурузи одну из повестей своего сочинения; как мы, разные мирные западники, обвиняем его в том, что он будоражит народы Балкан легендарной красной рубашкой, которую он, возможно, никогда не носил. С тех пор я не раз встречал его труды в московских газетах, и, полагая, мне уже знакома его статья об Афоне. Я с интересом прочту то, что он собрал в своем первом томе. Я с огромным удовольствием поговорю об этом в „Revue“, но мне только нужно закончить свое дело — историю вашей художественной литературы в ее поэтических и романых шедеврах. Мне еще осталось несколько глав, прежде чем создать книгу, коей они должны содействовать. Одну из них Вы приоткроете в ближайшем номере, о Гоголе, Пушкин ждет меня в следующем, и г. Леонтьев слишком хороший патриот, чтобы желать откладывания почести, которую я должен воздать его знаменитым предшественникам. Что до перевода статей Вашего друга, я сказал Вам, что здесь все, что является романом или повестью Толстого или Достоевского, издатели с руками отрывають, но наше вошедшее в пословицу легкомыслие еще не раскусило серьезных трудов русской науки. Это придет. Нужно только выждать время» (*фр.*; перевод мой. — О. Ф.).

²¹ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 98–99.

²² «...С европейскими Консулами он был в самых сухих служебных отношениях; не мог мириться с мыслью, что с визитом к ним надо идти в их европейском платье, а не в шелковой рубашке навыпуск; всем им это высказывал в полу-шуточной, в полу-озлобленной форме; и чуть ли даже не принимал некоторых из них у себя в доме — не переодеваясь в европейское платье. — Он достигал своей цели — ни один Консул не бывал у него иначе как с официальным визитом...» (*Леонтьева М. В. Янина*; цит. по: 6, 2, 89). См. об этом также в очерке «Майноские старожилы» (6, 1, 515).

Если Леонтьев и улыбнулся некоторой теплоте тона своего давнего константинопольского знакомого и его внимательной памяти, то «практическое приложение» письма оказалось для него нулевым, и он даже не стал, отвечая другу, как-то комментировать присланный текст, а Губастов, в свою очередь, не напоминал ему об этом. Точно так же, без отклика, оставил Губастов сообщение Леонтьева в письме от 4 апреля 1889 года о том, что тот отправил в Париж свою новую работу («Национальная политика как орудие всемирной революции»): «Я послал свою брошюру в Редакцию „Revue des 2 Mondes“ *Вогюэ*; с надписью; но, *конечно*, без письма» (12, 2, 244). А в более позднем послании Губастова, от 11 августа 1890 года, обнаруживается новое упоминание о виконте: «Мне недавно передавал один товарищ, видевший *Вогюэ*, что по уверению этого последнего наиболее в наст<оющее> время распространенная и пользующаяся наибольшим уважением среди французской молодежи философия... чья бы Вы думали? — Гр<афа> Льва Толстого!.. Очень странно. Не правда ли?»²³

Следует сказать еще, что *Вогюэ* и его дядю, у которого виконт и был секретарем, Губастов назовет в своих неизданных мемуарах среди тех иностранных дипломатов, с которыми постоянно общалась посольская молодежь (а с ними — как мы теперь видим — и Леонтьев).²⁴ Возникает даже вопрос: не вызвана ли поездка виконта в 1874 году на Афон красноречивыми рассказами Леонтьева о Святой Горе? Обратим внимание на то, что в письме к Губастову он упоминает именно «статью об Афоне». И наконец, еще одно любопытное биографическое совпадение: в 1889 году и Леонтьев, и *Вогюэ* были приглашены кн. Д. Н. Цертелевым к сотрудничеству в журнале «Русское обозрение» (он начнет выходить в Москве в 1890-м). *Вогюэ* продолжил печататься там и при новом редакторе, которым стал в 1892 году один из ближайших учеников Леонтьева Анатолий Александров. Вскоре на страницах журнала появились, правда с купюрами, письма Леонтьева к Губастову, а это могло дать первооткрывателю «*l'âme russe*» повод еще раз вспомнить своего константинопольского собеседника в «легендарной красной рубашке».

²³ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 37.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 75 об. — 76.

DOI: 10.31860-0131-6095-2021-2-92-104

© Н. Л. Васильев, © Д. Н. Жаткин

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИГРАММА П. А. ВЯЗЕМСКОГО В АРХИВЕ Я. К. ГРОТА*

Обширное поэтическое наследие П. А. Вяземского в полной мере еще не учтено, хотя и заметно дополняется в последнее время новыми фактами его творческой деятельности, архивными материалами.¹ В данном случае мы ставим задачу ввести в на-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П. А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)».

¹ См.: *Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 183–184, 189, 195; *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* 1) Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015. С. 383–405; 2) Франкоязычное сатирическое стихотворение П. А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. науч. трудов. М., 2017. С. 217–223; 3) К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145; 4) Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293; 5) К вопросу об авторстве аноним-